

К. П. БАХМАН

КЪ ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКИХ СПОСОБАХ
В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Перечисляя грамматические способы (аффиксация, внутренняя флексия, повторы, сложение, служебные слова, порядок слов, ударение, интонация и супплетивизм), А. А. Реформатский утверждает, что «грамматика любого языка может выражаться только этими способами»¹ (разрядка моя. — К. Б.). Если это так, встает довольно трудный вопрос — к какому же способу относится так называемое чередование ступеней долготы в эстонском языке? Для ясности дальнейших рассуждений рассмотрим само явление чередования ступеней долготы (*astmevaheldus*).

Эстонский язык относится к языкам, в которых очень важную роль играют комбинации количественных характеристик звуков. Этот язык со всей справедливостью можно назвать квантитативным языком, как это делает П. Аристе. По мнению П. Аристе, кроме эстонского и лопарского (язык саами), в мире нет ни одного другого языка, в котором столь важное значение имели бы квантитативные корреляции звуков².

Изменение долготы гласных, согласных и дифтонгов в эстонском языке имеет фонологическое значение и может служить различителем как лексических, так и грамматических значений. Ср. *kali* «квас», *kaali* (генитив от *kaal* «брюква»), *kaali* (произносится *kaaali* — форма партитива и иллатива от *kaal*). В научной транскрипции: *kal'i* — *kāl'i* — *kāl'i*³ (= *kali* — *kaali* — *kaaali*); *koli* «хлам», *kooli* (генитив от *kool* «школа»), *kooli* (произносится *koooli* — форма партитива и иллатива), т. е. *kol'i* — *kōl'i* — *kōl'i* (= *koli* — *kooli* — *koooli*) и т. п.

То же самое происходит с изменением долготы согласных. Ср. *lina* «лен» — *linna* (генитив от *linn* «город») — *linna* (= *linnna* — партитив и иллатив от *linn*), т. е. *linnà* — *līnnā* — *līnna* (= *lina* — *linna* — *linnna*); *kasi* «убирай» — *kassi* (генитив от *kass* «кошка») — *kassi* (= *kasssi* — форма партитива), т. е. *kasi* — *kašsi* — *kašsi* (= *kasi* — *kassi* — *kasssi*) и т. п.

В отличие от гласных и согласных, дифтонги имеют только две ступени фонологической долготы. Ср., например, формы генитива и партитива:

Номинатив	Генитив	Партитив
<i>laul</i> «песня»	<i>laulu</i> [laũlu]	<i>laulu</i> [laũlu]
<i>kael</i> «шея»	<i>kaela</i> [kaēla]	<i>kaela</i> [kaēla] и т. п.

В приведенных примерах различителями генитива и партитива являются различные ступени долготы дифтонгов *au* и *ae*.

Следует отметить, что во многих случаях ступени долготы графически не различаются, вследствие чего в эстонском языке очень много омографов, смысл которых распознается только по контексту. Однако это положение зачастую приводит к двусмысленности написанного. Так, например, заглавие книги «Salga au»⁴ можно понять двояко: «Честь отряда» и «Отрицай честь» (или «Отрекись от чести»), так как слово *salga* (со слабой ступенью *l*) является омографом формы 2-го лица повелительного наклонения *salga!* (= *sallga!*) «отрицай! отрекись!».

¹ А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 199.

² P. Ariste, Eesti keele foneetika, Tallinn, 1953, стр. 90.

³ Применяем систему, которой пользуется кафедра эстонского языка Тартуского государственного университета.

⁴ H. Pukk, Salga au, Tallinn, 1955.

Вернемся к вопросу о грамматических способах. Из всех перечисленных выше грамматических способов к явлению чередования ступеней долготы ближе всего подходит способ грамматического чередования звуков (по определению А. А. Реформатского — способ внутренней флексии⁵). Можно ли назвать корреляцию долготы звуков чередованием звуков? Нам кажется, что это различные по своей природе явления. Ведь при чередовании звуков какие-то определенные звуки заменяют друг друга, а при изменении долготы основные качественные признаки звука сохраняются; изменяются лишь их количественные показатели. Поэтому вряд ли будет правомерным относить это явление к чередованию звуков. Это не чередование самих звуков, а чередование их долготы. Допустим, что изменение ступеней долготы можно назвать способом «внутренней флексии». Тогда в ряду *mära* «кобыла» — *määra* (генетив слова *määr* «норма, мера, степень») — *määra* (= *määra* — форма партитива) внутренней флексией, образующей генетив, можно было бы считать *ä* долгое, а внутренней флексией партитива — сверхдолгое *ä*. Однако для грамматики безразлично, какой именно звук будет фигурировать в роли носителя долготы; этим звуком может быть и гласный, и согласный, и дифтонг. Но зато очень важное значение имеет сама долгота как квантитативный показатель, служащий смысловым различителем — долгота в отвлечении от конкретных звуков. Следовательно, способ долготных комбинаций звуков не тождествен способу внутренней флексии. Поэтому нам кажется, что квантитативные ступени, имеющие в эстонском языке фонологическое значение, следует признать особым самостоятельным грамматическим способом. Очевидно, список грамматических способов нельзя представлять себе в виде замкнутого круга, так как не все языки еще достаточно изучены.

Отметим попутно, что наличие в эстонском языке очень сложной фонологической системы осложняет изучение и определение количества фонем, о чем не случайно до сих пор нет еще достоверных данных.

Если считать звуки различной долготы самостоятельными фонемами (ведь различителями звуковой оболочки слов они являются), то уже одних гласных фонем наберется по крайней мере 27: 9 кратких гласных, 9 долгих и 9 сверхдолгих. Приведем их в роли смысловых различителей:

1. Девять кратких гласных: *takk* «пакля», *tokk* «палка», *tukk* «головешка» или «вихор», *tekk* «одеяло», *tikk* «спичка», *tükk* «кусочек», *täkk* «жеребец»; *kört* «кашица», *kört* — партитив от слова *kõrs* «соломинка».

2. Девять долгих гласных: *kaar* «дуга», *koor* «кора», *kuur* «сарай», *küür* «луч», *käär* «изгиб», *küür* «горб»; *sõnn* «полоса», *sõnn* «ем», *seen* «гриб».

3. Девять сверхдолгих гласных. В качестве примеров возьмем формы генетива (с долгими гласными) и формы партитива (с сверхдолгими гласными), причем сверхдолгие фонемы обозначим условно тройными буквами, хотя обычно они пишутся двойными:

Номинатив	Генетив	Партитив	
<i>vaal</i> «кит»	<i>vaala</i>	<i>vaaala</i>	(ср. <i>vala</i> «лей»)
<i>kool</i> «школа»	<i>kooli</i>	<i>koooli</i>	(ср. <i>koli</i> «хлам»)
<i>kuur</i> «сарай»	<i>kuuri</i>	<i>kuuuri</i>	(ср. <i>kuri</i> «злой»)
<i>lõõr</i> «дымоход»	<i>lõõri</i>	<i>lõõõri</i>	
<i>neer</i> «почка» (анат.)	<i>neeru</i>	<i>neeeru</i>	
<i>piin</i> «мука»	<i>piina</i>	<i>piina</i>	
<i>käär</i> «изгиб»	<i>kääru</i>	<i>kääaru</i>	(ср. <i>käru</i> «тачка»)
<i>nõõr</i> «веревка»	<i>nõõri</i>	<i>nõõõri</i>	
<i>tüür</i> «штурвал»	<i>tüüri</i>	<i>tüüüri</i>	(ср. <i>Türi</i> — город ЭССР)

Итого: $9 \times 3 = 27$ гласных различителей звуковой оболочки слова. В нашу задачу не входило решение вопроса о том, представляют ли собою эти различители самостоятельные фонемы. Приведенных примеров, однако, должно быть достаточно, чтобы признать корреляцию долготы звуков в эстонском языке особым грамматическим способом.

⁵ А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 219.